

Галина Петровна Измайлова:

- Истинный смысл короткого слова «война» осознала несколько позже - когда вместо сказки на ночь мама стала объяснять, зачем бумажные кресты на стёклах и почему плотные-плотные шторы прикрывают окна. Чтобы унять тревогу и страх, выходили вечером во двор: «Смотри, аэродром «Северный» не спит. Мощные прожекторы прощупывают черноту неба. Это сигнал вражескому самолёту – не приближайся, зенитки наготове, будешь сбит. А на крышах предприятий несут дежурство люди, обученные обезвреживать фугасные бомбы. Так что мы под защитой».

Не очень понятные слова говорила мама. Но так убедительно, что я верила: нас не достанут...

Иваново и впрямь не бомбили. Лихо пришло, когда наш частный деревянный дом нечем стало протопить. Вода в вёдрах замерзала. Обматывались с головы до пояса вязёнками платки такие...Спали одетыми под ворохом одеял. Но голод донимал сильнее стужи. Надсадно сосало под «ложечкой» всё время. Зимой – особенно. Летом – спасенье, корм под ногами рос: крапива, лебеда, щавель, сныть. Всё тащили в рот, словно кролики. Каше из отрубей были бы рады, если б имели про запас. Острый на язык сочинитель придумал частушку: «Тошнотики, тошнотики, какая ваша честь. А не было б тошнотиков, чего бы стали есть?»

В войну мама промышляла надомницей. Шила для фронта рукавицы, фуфайки. Наша безотказная машинка «Зингер» строчила без умолку. Мне поручалось вдевать нить в игольное ушко. Я охотно соглашалась. Чем же ещё заняться? Зато, глядишь, к вечеру похвалы дождусь: «Молодец, дочка. Помощница растёт», - вот и вся любовь.

Несколько раз призывали маму на трудовой фронт. На дальних рубежах области - в поселке Ильинском- женские бригады копали противотанковые рвы шириной шесть метров, глубиной – три. Какой из мамы землекоп? До войны-то работала билетёром в ТЮЗе ... Приглядеть за мной нанимала какую-то бабку по прозвищу Батва. Бралась она за это нелегкое дело не от хорошей жизни. Чтобы не пропасть наедине с собой. Убегала я от неё к подружке Лиде Фроловой в соседний дом. Как нарочно, попадала к обеду. Стою на пороге – не дышу. А тётя Маруся зовёт: «Где шестеро, там и седьмая будешь. Проходи уж...» Щи из лебеды из добрых рук – самое то. Я в долгу не оставалась. Рассую по карманам первые огурчики с грядки – и к Лиде. Ох, и попадало мне от мамы за это. Строжничала без разбора – вся на нервах. Сдавала меня Батва ни за грош, приговаривая себе под нос: «Поделом тебе, своевольница»...